

5-1 МАЯ 38
от

Москва

Газета №

Поэзия актерского 346 труда

Может быть самое драгоценное и самое редкое качество актера — это поэтическое отношение к своему труду. Это не только добросовестное отношение к делу — можно хорошо работать, но все же еще будет отсутствовать одна очень важная сторона, обязательная для каждого советского актера, — умение создавать особую атмосферу творчества. А создать ее можно только, любя театр и не прохладно любя, не успокоенно любя, а любя страстно, не боясь сказать слово «вдохновенно». Надо помнить и ценить те горячие радости, которые выпадают на нашу долю, то ощущение борьбы, опасности и счастья, когда наступают генеральные репетиции, первые спектакли, да и не только первые: много лет подряд можно играть любимую роль и создавать ее вновь каждый вечер, т. е. снова рождать образ, — это самая большая наша радость.

Если актер не ценит, или не понимает вовсе, или понимает цинично свои задачи, яд цинизма незаметно проникнет и в его творчество и погубит его дарование. Цинизм — это проказа в нашем актерском мире.

Если мы дадим себе труд прислушаться к своей эпохе, к лучшим людям нашей страны, мы поймем, какая волна поэзии, какой творческий подъем наполняют их труд. Как мне найти горячие слова — мне, не писателю, а актрисе, — чтобы сказать своим товарищам, что искренно, навсегда надо забыть эту актерскую повадку, я когда-то сказала «повадку, пришедшую к нам из далекого прошлого», но подумала о том, как много и молодых актеров и актрис страдает болезнью цинизма. Вот смотришь иногда на молодую актрису — она способ-

ная, у нее хорошая внешность, а вот чего-то в ней недостает. Внимательно присмотришься к ней из зрительного зала, — да она просто старушка душой! В ней нет ни увлечения, ни поэзии! Она наверно пришла за пять минут до начала, перед выходом говорила о посторонних делах — да как говорила! Громоподобным голосом. Живет она на сцене, ничего не любя, ни с кем не считаясь. Она способная и сравнивает себя с худшими — всегда в театре есть кто-нибудь хуже, — и это повышает ее ценность в собственных глазах. И незаметно цинизм лишает самое ее творчество молодости и поэзии. И она уж, конечно, не создает своими собственными руками театр, который должен быть дорог ее сердцу. В этом театре должно быть

красиво, чисто, празднично — там все готовится к встрече со зрителем, там протекает жизнь актера, там растет он как художник и как гражданин.

Актер должен идти в этот свой дом — не мешанский, а в дом, где сосредоточена вся поэзия его жизни, — собранным, серьезным и радостным. Так должно быть в театрах, и я верю, что так будет. Иначе не стоило бы жить и работать во имя создания настоящего театра. Но и в несовершенных театрах бывают минуты незабываемые — это вечер первого спектакля или утро генеральной репетиции. Даже грим пахнет как-то особенно. На столе у зеркала стоят цветы, костюм еще слишком новый, еще тающий в себе опасности, еще не вполне мой, висит на плечиках, и, глядя на него, начинаешь слышать, как стучит сердце. И вот приступаешь к гриму очень медленно и осторожно, еще рука не уверена, и найденный грим все кажется не тем, который был на прошлой репетиции. Смотришь и не узнаешь. И много, и долго вглядываешься в свое новое лицо, и, наконец, начинается ощущение, осознание образа: новых глаз — моих и не моих. — выражения рта

Во всех цехах театра есть высокие мастера. Эти мастера вместе с актерами создают его внешний образ, вносят в дело свою инициативу, фантазию и страстную любовь. Такова, например, Ирина Михайловна Алексеева, замечательный мастер театральных париков; раз узнав ее искусство, почувствовал ее руки, уже никогда не захочешь расставаться с ними.

Вообще и парик, и костюм, и вещи, с которыми привыкаешь играть, — это дорогой нашему сердцу мир.

У актеров, больных цинизмом, существует убеждение, что все это дело только бутафора и помрежа — его же дело только играть. Вероятно, под словом «играть» такие актеры подразумевают — говорить слова. Не создавать новый мир, в который верил бы зритель и сам актер, а говорить текст. Как это страшно, как это скучно!

Но есть у нас блестящие примеры поэтически-чистого отношения к искусству, поэтому и дарование этих мастеров проникнуто такой поэзией, таким очарованием, что хочется смотреть на них и слушать без конца. Такой актер-поэт — это Василий Иванович Качалов с его огромным дарованием, особенной сценической красотой, с глубоко трогающим голосом, с его скромностью, приветливостью и строгостью к себе. Обаятельное и именно поэтическое впечатление производит он на окружающих. Почему мы так мало заботимся о том, чтобы выработать в себе настоящее отношение к своему делу? Почему так мало ценим этот дар в других? И считаем, что это даже как будто стыдно, — «воспевать» свое искусство. Раз мы отдаем этому делу свои жизни, то можно и должно «воспеть» театр со всеми его радостями, горестями, опасностями и победами, — театр и своих товарищей, с которыми проходит творческая жизнь. Чем меньше мы будем стыдиться поэтического отношения к театру, тем скорее будут расти новые советские театры — бовые, строгие, чистые и радостные.

С. ГИАЦИНТОВА

